

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 1, №4

Подписано к публикации: 15.12.2023

**Главный редактор
журнала:**

доктор исторических наук,
доцент

**Бойко
Наталья Семеновна**

E-mail: vin-journal@yandex.ru
Сайт: <https://vin-journal.ru>

**Редакционная коллегия по основным
направлениям работы журнала:**

Безбородов Александр Борисович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, профессор
Бондарь Ирина Алексеевна (РФ, г. Ессентуки) – доктор исторических наук, доцент
Волкова Екатерина Александровна (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, доцент
Воробьева Наталья Владимировна (РФ, г. Омск) – доктор исторических наук, доцент
Гилязов Искандер Аязович (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Грибовский Михаил Викторович (РФ, г. Томск) – доктор исторических наук, доцент
Исхаков Салават Мидхатович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Канторович Анатолий Робертович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Кирчанов Максим Валерьевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, доцент
Киселев Александр Георгиевич (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Корнилова Ирина Валерьевна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор исторических наук, доцент
Курукин Игорь Владимирович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Ланской Григорий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Мухамедов Рашид Алимович (РФ, г. Ульяновск) – доктор исторических наук, профессор
Пашков Александр Михайлович (РФ, г. Петрозаводск) – доктор исторических наук, профессор
Прищепин Александр Иванович (РФ, г. Сургут) – доктор исторических наук, профессор
Рыкун Галина Николаевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор исторических наук, профессор, Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказский Федеральный университет
Ситдииков Айрат Габитович (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Синицин Олег Владимирович (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор
Скопа Виталий Александрович (РФ, Барнаул) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Тимошенко Валерий Николаевич (РФ, г. Хабаровск) – доктор исторических наук, доцент
Хубулова Светлана Алексеевна (РФ, г. Ессентуки) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Цветков Василий Жанович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент
Чуркин Михаил Константинович (РФ, г. Омск) – доктор исторических наук, профессор
Юмашева Юлия Юрьевна (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент

Содержание

Акбиев А.С.

Холокост как всемирная трагедия и исторический феномен 4-11

Кирчанов М.В.

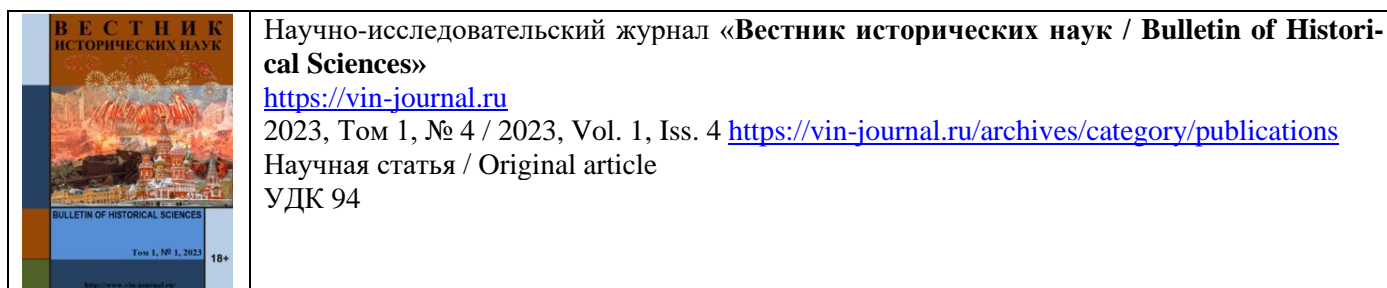
Проблемы новейшей истории умеренного политического ислама
(Индонезийская ассоциация мусульманских интеллектуалов в 2010-е гг.) 12-23

Куликов А.В.

Основные трудности функционирования судов присяжных в поволжских городах
в ходе судебных преобразований в период с 1864 по 1917 гг.
(на примере губерний Поволжья) 24-32

Мокшина Е.Н., Александров С.Г.

Роль в патриотическом воспитании современной молодежи Ульяновского регионального
отделения Общероссийского движения по увековечению памяти
погибших при защите отечества 33-38

¹ Акбиев А.С.,

¹ Дагестанский государственный педагогический университет

Холокост как всемирная трагедия и исторический феномен

Аннотация: публикация ориентирована на исследование холокоста как одного из самых трагичных феноменов Второй мировой войны. В ходе теоретико-методологического анализа автор изучает факторы, обуславливающие его возникновение, ключевые моменты данного явления, отношение к нему современников и исторические последствия.

Работа отражает анализ источников, освящающих специфику холокоста и трагические результаты для еврейского народа. Выявляются причинно-следственные связи между внешней политикой фашистской Германии и националистическими военными операциями, нацеленными на уничтожение конкретных народов. Автор приводит в пример свидетельства очевидцев холокоста, которые описывают его трагические последствия и делает выводы о масштабности и негативности всех последствий.

Ключевые слова: холокост, антисемитское настроение, концлагерь, исторический феномен, национализм, свидетельство холокоста, евреи, националистическая политика, фашистская Германия

Для цитирования: Акбиев А.С. Холокост как всемирная трагедия и исторический феномен // Вестник исторических наук. 2023. Том 1. № 4. С. 4 – 11.

Поступила в редакцию: 27 августа 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 26 октября 2023 г.; Принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

¹ Akbiev A.S.,

¹ Dagestan State Pedagogical University

The holocaust as a worldwide tragedy and historical phenomenon

Abstract: the publication focuses on the study of the Holocaust as one of the most tragic phenomena of the Second World War. In the course of theoretical and methodological analysis, the author studies the factors that determine its occurrence, the key points of this phenomenon, the attitude of contemporaries to it and historical consequences.

The work reflects an analysis of sources that highlight the specifics of the Holocaust and the tragic results for the Jewish people. The causal links between the foreign policy of nazi Germany and nationalist military operations aimed at the destruction of specific peoples are revealed. The author gives an example of eyewitness accounts of the Holocaust, which describe its tragic consequences and draws conclusions about the scale and negativity of all the consequences.

Keywords: holocaust, anti-Semitic mood, concentration camp, historical phenomenon, nationalism, evidence of the Holocaust, Jews, nationalist politics, fascist Germany

For citation: Akbiev A.S. The holocaust as a worldwide tragedy and historical phenomenon. Bulletin of Historical Sciences. 2023. 1 (4). P. 4 – 11.

The article was submitted: August 27, 2023; Approved after reviewing: October 26, 2023; Accepted for publication: December 15, 2023.

Трагедия Второй мировой войны затронула многие народы, которые до сих пор хранят память о тех ужасных событиях, которые унесли тысячи, а иногда и миллионы жизней их соотечественников. Говоря о подобных исторических феноменах, необходимо вспомнить, к примеру Холокост, число жертв которого, по некоторым данным, достигло шести миллионов человек.

Эти ужасные события показали человечеству возможность обесценивания жизни целых народов и осознание непредсказуемости националистических настроений и проявлений фашизма.

Данный феномен настолько страшен и противоречив, что и на настоящий момент историки не до конца изучили причины его возникновения и все действия, которые были предприняты по истреблению еврейского народа.

Для полноценного изучения данного трагического феномена необходимо изначально выявить его причины и определить их актуальность для того, чтобы были совершены подобные ужасные деяния.

Говоря об этом, Ю. М. Антонян [1], говорит, что подобный термин, изначально упомянутый в Библии контексте «жертвы всесожжения», в человеческой истории массово применялся при геноциде и истреблении различных народов (геноцид армян в Османской империи, убийство евреев в Гражданскую войну в

России и пр.), поэтому Вторая мировая война не стала исключением. Основной целью фашистской Германии являлось подавление и запугивание народов, различных наций, возможность подчинить их своей воле. Обычные силовые методы казались Гитлеру недостаточно эффективными, мало было просто завоевать территорию, необходимо сломить его волю сопротивления, подчинить себе и одним из таких народов оказался еврейский.

Антонян отмечает, что отношение к данной нации резко изменилось после поражения Германии в I Мировой войне по ряду причин:

1. Уклонение евреев от участия в военных действиях и возможность зарабатывать на продажах и перепродажах зачастую спекулятивного характера;
2. Создание евреями послевоенного социалистического движения, которое действовало в союзе с российскими большевиками;
3. Пособничество евреев в разломе прежнего национального германского режима во главе с кайзером.

Однако, указанные выше причины были следствием субъективного мнения правящей верхушки Германии, официальным поводом для начала националистических действий, которые повлекли за собой огромное количество жертв. Ориентируясь на табл. 1, возможно представить себе масштабы трагедии и те злодейские методы, которыми проводилось истребление народа.

С. А. Баканычева [2] отмечает, что удивительным является тот факт, что несмотря на бесчисленные свидетельства зверств фашистов, масштабы жертв, которые также отражены в ниже указанной таблице, многие исследователи, в основном западные, придерживаются точки зрения, что гетто и концлагеря были созданы исключительно для обеспечения безопасности мирного населения, а в казовых камерах проводилась санобработка. Данные тенденции обусловлены современными националистическими настроениями и неспособностью реально и адекватно воспринимать очевидные факты.

Таблица 1

Деяния Холокоста и результаты геноцида [7].

Table 1

Holocaust Acts and Genocide Results [7].

Количество убитых евреев (по местам и способам убийства)	Пояснение
Около 2,7 миллиона евреев было убито в лагерях смерти .	Нацисты создали пять лагерей смерти специально для истребления евреев с помощью отравляющего газа: Хелмно, Белжец, Собибор, Трелинка и Освенцим-Биркенау. <i>Распределение этого количества по лагерям см. в таблице 2.</i>
Около 2 миллионов евреев было убито во время массовых расстрелов и сопутствующих расправ.	Нацисты, их союзники и местные сторонники организовали массовые расстрелы и расправы над евреями более чем в 1500 городах, мелких городах и селах на территории оккупированной Восточной Европы.
От 800 000 до 1 000 000 евреев было убито в гетто , трудовых и концентрационных лагерях .	В гетто, концентрационных и трудовых лагерях, организованных нацистами, их союзниками и местными пособниками, евреев убивали посредством целенаправленного лишения необходимых для выживания ресурсов, приводившего к заболеваниям и гибели, жестокого обращения и произвольных актов насилия.

Если мы обратимся к следующей таблице (табл. 2), то можно увидеть, что большая часть евреев была истреблена в концлагерях, что, безусловно требовало больших затрат финансовых и человеческих ресурсов. Это было гораздо дороже, чем просто убивать евреев на улице. Таким образом, мы видим достаточно сильную идеологическую антисемитскую позицию, которая выражалась в активных разрушающих действиях.

Таблица 2

Количество евреев, уничтоженных в концлагерях за время Холокоста [7].

Table 2

Number of Jews exterminated in concentration camps during the Holocaust [7].

Лагерь смерти	Количество погибших евреев
Хелмно	не менее 167 000
Белжец	около 435 000
Собибор	не менее 167 000
Треблинка-2	около 925 000
Лагерный комплекс Освенцим (Аушвиц) (включая евреев, убитых газом сразу после прибытия в лагерь смерти Освенцим-Биркенау, и тех, кто был убит в лагерьном комплексе другими способами)	около 1 000 000
Промежуточный итог	в лагерях смерти было убито около 2,7 миллиона евреев

Рассматривая Холокост как исторический феномен, необходимо сказать о той движущей силе, которая побудила к его совершению. Безусловно, необходимо принимать во внимание те вышеуказанные нами причины, которые приводились в качестве доводов и аргументов, чтобы убедить немецкий народ пойти на такие действия. Однако, главными идеологами и косвенно исполнителями являлись Гитлер и верхушка правящей Германии, которые разрабатывали планы спецопераций, проектировали концлагеря и издавали приказы для осуществления подобных действий.

Как отмечено в работах Ю.М. Антоняна, А. Мороз [4], в Германии достаточно четко и ярко был «нарисован» портрет «чужого» – того народа, который препятствует развитию и процветанию Третьего рейха. Этот народ является враждебным, даже не осуществляя никаких военных действий и вооруженных восстаний. Он опасен одним своим существованием, представляя потенциальную угрозу германскому государству.

Гитлер, имея достаточно сильный авторитет, распространял национальные стереотипы о еврейском народе, порожденные в период Первой мировой войны и немного позже. Немецкое население было уверено в том, что евреев нельзя считать полноценными людьми, т.к. они рождаются слепыми, связаны с нечистью, употребляют в обрядах кровь и у них нет души. Таким образом «вырисовывался» портрет не просто чуждого, но опасного народа, от которого необходимо обезопасить Рейх.

Подавляющее большинство историков, как отмечают исследователи [2, 5, 6] связывают трагедию Холокоста с личностью Гитлера и его командой, которые руководили непосредственным истреблением народа. В качестве одной из возможных причин даже отмечается неподтвержденная детская травма от контакта с представителями данной национальности. Ф.М. Марчुकевич, упомянутая в работе А. Мороза, говорит о

том, что возможно бабушка, или мать, которая бросила Гитлера, принадлежали к данной народности и на фоне его многочисленных неврологических и психиатрических отклонений данная травма трансформировалась в маниакальное желание истребления всего еврейского народа. При этом как отмечают исследователи (С. Амосова, А. Мороз) то, что возможна генетическая (по матери) причастность Гитлера к еврейскому народу, лишь усилило его ненависть к данной нации. Он старался всячески отдалиться от этого народа, но так как в силу определенных комплексов и навязчивых идей у него это не получалось [4, с. 165], он предпочел, чтобы нация исчезла с лица земли и воспоминаний о ней не осталось.

Как бы то ни было, в ходе Холокоста был причинен огромный неисправимый урон народу, его культуре, физический вред населению и анализируя источники, посвященные исследованию данной проблемы и дифференцированные точки зрения, нельзя забывать о масштабе трагедии.

Говоря об истреблении евреев, как всемирной трагедии, нужно отметить [7], что их истребление началось в 1933 году и продолжалось вплоть до 1945 года. Изначально подобные действия назывались «антипартизанскими акциями по умиротворению» либо «репрессивными мерами» по отношению к нарушителям националистического режима. Однако со временем подобная политическая основа сводилась к минимуму, уступая место причинам, выше нами названным. Антиеврейская идеология укреплялась, исключая представителей данной национальности из социума с запретами заниматься торговой и иной деятельностью, проживать на конкретных территориях и дальнейшей обязанностью носить отличительные знаки в виде желтых звезд.

Несмотря на то, что Холокост трактуется как всеожжение, карание огнем, данные действия носили различный характер: от массовых необоснованных расстрелов на улицах до специальных карательных операций и уничтожение евреев в газовых камерах и крематориях концлагерей. Особую жестокость отражает то, что эсесовцы не щадили ни детей, ни стариков, ни увечных, которые не могли принести никакого вреда в силу своего положения. Однако необходимо актуализировать вопрос: насколько же были сильны убеждения немецкого народа против евреев, которые позволяли убивать невинных граждан с рождения. По свидетельствам отдельных исследователей, за период Холокоста было уничтожено более 1,1 млн. детей и более 2 млн. лиц пожилого возраста.

Строительство изначально гетто, а затем концлагерей было масштабным действием на пути к истреблению народа. В самом крупном Варшавском гетто проживали более чем 445 тысяч евреев и таких поселений были десятки, а то и сотни. Исходя из этого, мы понимаем масштаб трагедии и то, насколько страшные демографические, культурные, политические последствия она имела.

На международном военном трибунале в Нюрнберге оставшиеся в живых руководители и исполнители подобных деяний, давая показания, увеличивали количество жертв, и мы можем сказать, что на настоящий момент оно точно не подсчитано и вряд ли это будет когда-то возможно. Это обусловлено тем, что учету подлежали евреи, которые привозились в концлагеря с документами (и даже в этом случае неточно установлено количество детей, стариков и новорожденных, появившихся в застенках). В гетто велись переписи населения, но евреи, проникающие туда и на свободные территории города, также не были учтены.

В ходе холокоста уничтожались не только люди, но и произведения искусства, продукты культуры, что еще раз подчеркивает ненависть к народу не только как к биологическому виду, но и как к носителям определенных обычаев, традиций, религии. Разрушались синагоги, сжигались книги, картины, предметы обихода, которые представляли культурную и материальную ценность. Еще одним важным фактом было обогащение за счет изъятого имущества «на благо Рейха». Использовались и одежда, обувь, драгоценности убитых евреев и это было еще более омерзительным фактом, т.к. противоречит всяческим нормам морали и нравственности.

Те мирные граждане, которые были расстреляны на улице под видом партизан либо «подрывных элементов», также не задокументированы и мы можем только догадываться об истинных масштабах трагедии не только для еврейского народа, но и для всего человечества. Только в урочище Бабий Яр в 1941 году в одномоментной акции было расстреляно более 33 700 человек еврейской и нееврейской национальностей.

Кроме того, некоторые исследователи (П.А. Доценко) утверждают, что понятие «Холокост» возможно применить не только к евреям, но и к представителям других национальностей (русские, поляки, сербы, цыгане), которые не принадлежали к «высшей» арийской расе и также подлежали уничтожению. В первую очередь в газовые камеры и крематории отправлялись пожилые люди и матери с детьми, т.к. их германское правительство считало «балластом», обузой, мешающей строительству Третьего Рейха. Трудоспособные мужчины и взрослые одинокие женщины имели шанс на выживание за счет того, что были обязаны работать на самых тяжелых видах труда, тем самым «содействуя строительству» германского государства. Но данная работа, которая по утверждению нацистов «должна человека сделать свободным» [3. с. 120], была одним из методов истребления, однако более медленным и изощренным, т.к. рабочие содержались в нечеловеческих условиях, голодные и умирали от болезней и истощения не меньше, чем загнанные в газовые камеры евреи.

Подводя итоги нашего исследования, необходимо еще раз отметить масштабность трагедии, которую явил собой Холокост человечеству. Еще более ужасающим является то, что руководил им один человек с небольшим количеством приближенных военачальников и гражданских, выступающих за истребление еврейского и некоторых нееврейских народов. Истинные причины и размеры этого ужаса уже не представится возможным уточнить никогда, однако те свидетельства очевидцев и их потомков, которые описаны в воспоминаниях, экранизированы, запечатлены на фото, не сотрут из памяти ужасающие впечатления. Они позволяют будущим поколениям понимать неприемлемость происходящего, отражают трагедию отдельной личности, народа и целого человечества и призваны не допустить повторения подобного в будущем.

Список источников

1. Антонян Ю.М. Причины холокоста // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 8 – 15.
2. Баканычева С.А. Свидетельство холокоста (из личного архива Л.И. Васильевой) // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2008. № 1. С. 176 – 179.
3. Доценко П.А. Преодоление прошлого и «политика вины» в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 4 (34). С. 113 – 121.

4. Мороз А. За что Гитлер не любил евреев: фольклорные версии истоков Холокоста // JSJ. 2021. №S2 (6). С. 155 – 172.

5. Мужиковская В.Р., Амиров В.М. Трагедия Холокоста и зарубежные русскоязычные еврейские СМИ: особенности современного осмысления // Политическая лингвистика. 2018. №1. С. 82 – 86.

6. Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Проблема отрицания Холокоста: история, особенности и современные тенденции // Вестник ННГУ. 2015. № 3. С. 97 – 102.

7. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/documenting-numbers-of-victims-of-the-holocaust-and-nazi-persecution>

References

1. Antonyan Yu.M. Causes of the Holocaust. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (50). P. 8 – 15.

2. Bakancheva S.A. Evidence of the Holocaust (from the personal archive of L.I. Vasilyeva). "West-East". Scientific and practical yearbook. 2008. No. 1. P. 176 – 179.

3. Dotsenko P.A. Overcoming the past and the "politics of guilt" in Germany. Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 4 (34). P. 113 – 121.

4. Moroz A. Why Hitler did not like Jews: folklore versions of the origins of the Holocaust. JSJ. 2021. No. S2 (6). P. 155 – 172.

5. Muzhikovskaya V.R., Amirov V.M. The Tragedy of the Holocaust and Foreign Russian-Language Jewish Media: Features of Modern Understanding. Political Linguistics. 2018. No. 1. P. 82 – 86.

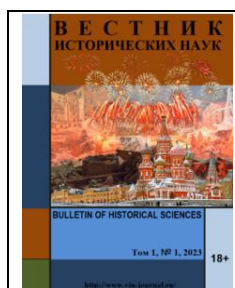
6. Ryzhov I.V., Borodina M.Yu. The Problem of Holocaust Denial: History, Features, and Modern Trends. Bulletin of UNN. 2015. No. 3. P. 97 – 102.

7. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/documenting-numbers-of-victims-of-the-holocaust-and-nazi-persecution>

Информация об авторе

Акбиев А.С., доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет

© Акбиев А.С., 2023

Научно-исследовательский журнал «Вестник исторических наук / **Bulletin of Historical Sciences**»

<https://vin-journal.ru>

2023, Том 1, № 4 / 2023, Vol. 1, Iss. 4 <https://vin-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 94.323

¹ Кирчанов М.В.,

¹ Воронежский государственный университет

Проблемы новейшей истории умеренного политического ислама (Индонезийская ассоциация мусульманских интеллектуалов в 2010-е гг.)

Аннотация: автор анализирует особенности развития и основные векторы трансформации идеологических предпочтений и настроений Индонезийской ассоциации мусульманских интеллектуалов как общественной организации мусульман. Предполагается, что Ассоциация является важным фактором, который консолидируют не только академический сегмент уммы, но и влияет на развитие политического ислама и идеологии современного индонезийского гражданского национализма. Автор полагает, что идеологическая программа Ассоциации стало ответом элит и умеренной части уммы Индонезии на растущее влияние как модернизации, глобализации и интеграции страны в мировое сообщество, так и на рост радикальных настроений в исламе. Поэтому, автором в статье проанализированы основные векторы развития идеологии Ассоциации. Предполагается, что 1) идеология Ассоциации в целом является формой существования политического ислама; 2) идеологические предпочтения Ассоциации основана на исламе и признании примата государства, представленного доктриной панчасилы, 3) синтез идей национализма с ценностями уммы является существенным фактором развития идеологических предпочтений Ассоциации как формы консолидации умеренного политического ислама в Индонезии. В целом в представленной статье показано, что 1) актуальная идеологическая программа Ассоциации относится к числу важных факторов в современной интеллектуальной истории уммы, 2) идеология Ассоциации стала одной из форм легитимации существующего политического режима, 3) идеология Ассоциация носит умеренный характер, будучи формой поддержания баланса между исламом и официальной идеологической программой индонезийской государственности, представленной принципами панчасилы.

Ключевые слова: Индонезия, политический ислам, идеология, фрагментация уммы, интеллектуалы, Индонезийская ассоциация мусульманских интеллектуалов

Для цитирования: Кирчанов М.В. Проблемы новейшей истории умеренного политического ислама (Индонезийская ассоциация мусульманских интеллектуалов в 2010-е гг.) // Вестник исторических наук. 2023. Том 1. № 4. С. 12 – 23.

Поступила в редакцию: 29 августа 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 30 октября 2023 г.; Принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

¹ Kirchanov M.V.,

¹ Voronezh State University

**Problems of the history and ideology of moderate political Islam
(Indonesian Association of Muslim Intellectuals in the 2010s)**

Abstract: the author analyzes the features of development and the main vectors of transformation of the ideological preferences of Indonesian Association of Muslim Intellectuals as a public organization of Muslims. It is assumed that the Association is an important factor that consolidates not only the academic segment of the Ummah, but also influences the development of political Islam and the ideology of modern Indonesian civic nationalism. The author presumes that the ideological program of the Association became the response of the elites and the moderate part of the Ummah of Indonesia to the growing influence of both the modernization and globalization, and to the growth of radical sentiments in Islam. Therefore, the author in the article analyzes the main vectors of the development of the ideology of the Association. It is assumed that 1) the ideology of the Association in general is a form of existence of political Islam; 2) the ideological preferences of the Association are based on Islam and the recognition of the primacy of the state, represented by the Pancasila doctrine, 3) the synthesis of the ideas of nationalism with the values of the Ummah is an essential factor in the development of the ideological preferences of the Association as a form of consolidation of moderate political Islam in Indonesia. In general, the presented article shows that 1) the actual ideological program of the Association is one of the important factors in the modern intellectual history of the Ummah, 2) the ideology of the Association became one of the forms of legitimation of the existing political regime, 3) the ideology of the Association is moderate, being a form of balancing between Islam and the official ideological program of Indonesian statehood, represented by the principles of Pancasila.

Keywords: Indonesia, political Islam, ideology, fragmentation of the ummah, intellectuals, Indonesian Association of Muslim Intellectuals

For citation: Kirchanov M.V. Problems of the history and ideology of moderate political Islam (Indonesian Association of Muslim Intellectuals in the 2010s). *Bulletin of Historical Sciences*. 2023. 1 (4). P. 12 – 23.

The article was submitted: August 29, 2023; Approved after reviewing: October 30, 2023; Accepted for publication: December 15, 2023.

Актуальность

Проблема существования и функционирования мусульманских интеллектуальных сообществ в светском государстве относится к числу актуальных проблем, особенно в тех случаях, когда правящие элиты сталкиваются с оспариванием их власти со стороны религиозных радикалов. Подобная ситуация конфликта стимулирует сближение между умеренной частью уммы и элитами, что оказывает существенное воздействие на идеологию политического ислама. Поэтому ряд факторов придает актуальность изучению идеологии умеренного политического ислама в современной Индонезии, представленного ИАМИ.

Во-первых, тенденции политической модернизации и связанной с ней секуляризации в современной Индонезии привели к значительной фрагментации общества на сторонников существующей светской модели, основанной на гражданском национализме и их противников, которые консолидируются вокруг радикальных исламистских групп.

Во-вторых, радикальная секуляризация в глобальной перспективе, с одной стороны, и попытки ее ограниченной трансплантации в индонезийские политические и культурные контексты, с другой, не могла остаться без ответа со стороны ее противников, представленных сторонниками радикального ислама. Усиление последнего актуализирует важность противодействия ему, в том числе – и со стороны умеренных исламских, в данном случае – интеллектуальных, групп и движений.

В-третьих, экспансия западной политической модели развития и взаимоотношений между государством, обществом и религией, претендующей на универсальность, в неевропейские государства, включая Индонезию, стимулировала углубление идеологической фрагментации местного общества, содействуя консолидации как умеренной, так и радикальной части уммы, отношения между которыми развиваются в рамках конфронтационной модели.

Все эти три фактора проявляются и в мусульманских странах, включая Индонезию. Проявлением политической, социальной и культурной реакции на угрозы со стороны исламского радикализма стала консолидация умеренной и лояльной власти части уммы на уровне ее представителей, связанных как с наукой, так и интегрированных в государственные и образовательные структуры, создание и функционирование которых санкционировано правящими элитами.

Ставшая одним из ответов на вызов растущего исламского радикализма, и поэтому актуализировавшая значительный адаптивный и реакционный потенциал индонезийской уммы в ответ на вызовы со стороны несистемных радикалов и экстремистов, Индонезийская ассоциация мусульманских интеллектуалов (*Katatan Cendekiawan Muslim Indonesia*, сокр.: *ICMI*, далее по тексту: ИАМИ), созданная в 1990 г., к 2022 г. стала крупнейшим общественным движением в Индонезии, актуализирующим и консолидирующим потенциал той части уммы, которая не только вовлечена в научные исследования, но стала частью того идеологического механизма, который направлен как легитимацию существующего режима, так и нейтрализацию направленных против него идеологических угроз и вызовов.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будет идеология ИАМИ в современной интеллектуальной жизни Индонезии. Поэтому целью является анализ идеологических предпочтений ИАМИ как формы развития политического ислама и индонезийского национализма. Задачи ста-

ты ограничены 1) изучением основных векторов и направлений развития идеологии ИАМИ, 2) анализом восприятия основных проблем, с которыми сталкивается индонезийский социум, с точки зрения идеологов Ассоциации, 3) выявлением вклада ИАМИ в развитие традиций идеологии политического ислама и национализма и 4) рассмотрением перспектив идеологической эволюции и трансформации ИАМИ как одного из факторов интеллектуального функционирования современной уммы в Индонезии.

Историография. Проблемы истории и современного состояния интеллектуального измерения в функционировании индонезийской уммы [28] относятся к числу актуальных и малоизученных тем в современном востоковедении. Вместе с тем, следует признать, что некоторые вопросы интеллектуальной и политической истории современного ислама в Индонезии [20] неоднократно оказывались в центре внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей [5]. Анализируя современную историографию индонезийского политического ислама и его идеологии [4], мы можем выделить основные особенности, которые характерны для историографии вопроса. Во-первых, значительное число исследований, посвященных политическому исламу и его идеологии [2], имеет исторический характер [3], редуцируя и ограничивая анализ почти исключительно хронологической перспективой. Во-вторых, часть работ по данной проблематике направлена на изучение истории отношений между политическим исламом и светским индонезийским национализмом [8], что актуализирует подчинение и зависимое положение уммы в современной интеллектуальной истории Индонезии. В-третьих, важной особенностью современной историографии индонезийского политического ислама также следует признать склонность его исследователей редуцировать спектр идеологических предпочтений и настроений уммы до радикального ислама [6] или его умеренной или либеральной альтернативы [7]. В этой историографической ситуации другие проблемы современной политической и интеллектуальной истории ислама в Индонезии [1] оказываются вне сферы внимания историков и политологов [22]. Поэтому существующие историографические диспропорции указывают на необходимость изучения современной идеологической истории индонезийского ислама, редуцированной в представленной статье до активности Индонезийской ассоциации мусульманских интеллектуалов.

Идеология ИАМИ: ислам, политика, экономика. Допуская создание и существование исламистских движения типа Ассоциации, власти Индонезии фактически пытались ответить на вопрос «сможет ли политический ислам в Индонезии избежать ошибок Ближнего Востока» [33]. В этой ситуации ставка была сделана на сторонников умеренного ислама, хотя в первой половине 2020-х гг. политика властей в этом отношении не отличалась последовательностью: арестовав Ризика Шихаба и, запретив Фронт защитников ислама, они, тем не менее, освободили Абу Бакара Башира, одного из организаторов террористических актов на Бали в 2002 г [27]. Другие организации умеренных исламистов вынуждены в своей деятельности учитывать такие колебания и непоследовательность со стороны властей. Поэтому, идеологические предпочтения, которые выражаются активистами ИАМИ, на современном этапе отличаются определенным разнообразием, варьируясь от ценностей политического ислама до принципов индонезийского национализма. Последний имеет особое значение для Индонезии, так как создание Ассоциации в целом вписывалось в логику национализации ислама, его общего сближения с индонезийским национализмом, что воспринималось политическими элитами в контексте противостояния с более радикальным арабским исламом [9] не только за

влияние на индонезийских мусульман, но и за лидерство в мировой умме. Функционеры ИАМИ признают важность национализма, полагая, что именно последний не только позволил «реализовать национальное пробуждение», но и постоянно указывает на важность консолидации нации путем развития образования «в соответствии с вызовами глобализации» [29]. Последняя воспринимается одновременно как угроза и стимул развития, так как «главное изменение в современном мире – это всемогущая глобализация, из-за которой кажется, что все люди живут в маленькой деревне» [24].

Указывая на фактор информационной глобализации, индонезийские интеллектуалы актуализируют и другую проблему, связанную с преимущественной односторонним пониманием насилия со стороны Запада. Шамси Али, заместитель председателя Совета по межрелигиозному и культурному диалогу ИАМИ, полагает, что западные страны хорошо осведомлены от трагедии 11 сентября, но насилие в отношении мусульман – не самая популярная тема в американских и европейских СМИ. Комментируя преследования мусульман в мире, Шамси Али подчеркивает, что фактически «резня происходит в одной из самых религиозных стран, где доминирует “ненасильственная” религия – религия, которая учит уважению к жизни. Религия, которая уважает жизнь существ, даже жизнь животных. Это – буддизм в Мьянме. Но резня и насилие, пережитые народом рохинджа, не взбудоражили мир. На самом деле мир, который часто претендует на роль арбитра при решении вопросов прав человека, молчит» [11].

Поэтому индонезийские мусульманские интеллектуалы озабочены тем, какое место в глобальной системе будет занимать Индонезия как крупнейшая по населению мусульманская страна, в мире, где преследования мусульман по религиозному признаку продолжаются. В своих поисках ответа на этот вопрос они, как правило, актуализируют традиционную для страны дилемму отношений ислама и светского национализма, что в определенной степени привело к продвижению проекта «ислама Нусантары» [35], ислама с учетом индонезийской специфики [19], который воспринимается различными сегментами уммы крайне неоднозначно. Подобные настроения ИАМИ озвучиваются неслучайно, что актуализирует ее преемственность в истории индонезийской мусульманской мысли [25], в частности – с работами Нурчолиша Маджида [26]. Поэтому, с одной стороны, Шамси Али указывает на то, что принципы панчасилы актуализируют противоречивое отношение религий на территории Индонезии к государственной идеологии как форме светского национализма. По мнению Ш. Али, оптимальным вариантом развития Индонезии будет «предоставить каждому из приверженцев религии интерпретировать панчасилу в соответствии с их соответствующими религиозными представлениями и верованиями, так как даже правительство на самом деле не имеет права интерпретировать панчасилу на основе своего собственного понимания» [10].

В этом контексте заметна солидарность мусульманских интеллектуалов с индонезийскими христианами в вопросах отношения к панчасиле как институционализированной форме национализма, примат которого все более активно ставится ими под сомнение. Ариф Сатрия, с другой стороны, не противопоставляет эти две основы современной индонезийской государственности, но пытается их синтезировать и найти компромисс между ними. По его мнению, провозглашение в 1945 г. независимости было предрешено Аллахом, хотя страна развивалась в рамках преимущественно светской модели, основанной на гражданском национализме, так как «шаги отцов-основателей нации были неординарны: от создания основ государства, кон-

ституции до построения структуры государства и затем утверждения нации в экономическом, политическом, социальном и культурном плане. Основатели нации были благодарны Аллаху за оказанную услугу, заложив важную основу для выживания нации и государства» [31].

Развитие ИАМИ также следует воспринимать как форму функционирования политического ислама и его растущего влияния, что связано с менее заметными темпами развития секуляризма, который в Индонезии представлен в «мягких» [34] версиях, отличных от других регионов. Вместе с тем идеология Ассоциации отличается умеренным характером, что позволяет властям использовать ее для противодействия «консервативной исламизации» [16]. Поэтому мусульманские интеллектуалы в Индонезии перечисляют основные угрозы, с которыми, по их мнению, сталкивается страна. Предполагается, что «развитие технологий, особенно транспорта и телекоммуникаций, их растущая делает наш мир все более доступным, так как границы между людьми или человеческими группами становятся тоньше и в таком мире мы фактически живем в одном доме, где жесткая конкуренция и прогресс страны часто вызывает беспокойство у других стран» [24]. Именно поэтому глобализация мусульманскими интеллектуалами воспринимается как вызов для Индонезии, который не менее опасен чем рост радикального исламизма, который в Юго-Восточной Азии фактически имеет «антигосударственный и антиплюралистический» характер [14]. Противостояние этим угрозам, согласно мнению функционеров ИАМИ, возможно только в результате саморефлексии верующих мусульман, направленной на осознание того, что необходимо «уделять значительное внимание и исследовать все то, что было сделано в прошлом и того, что делается сейчас, во благо будущего» [30].

Апелляция к активизму со стороны рядовых членов уммы, по мнению функционеров ИАМИ, важна, так как «характеристики глобального мира не новы, но они чужды учению ислама» [24]. На важность именно этого направления деятельности, например, регулярно указывают лидеры Ассоциации, которые ориентируются на экономически активные группы населения, преимущественно – средний класс [21], и, поэтому, полагающие, что «развитие экономического сектора, который будет действовать на благо общества» [18] не только не противоречит нормам ислама, но является задачей для правящих кругов Индонезии. Комментируя важность экономической активности для мусульман, руководство ИАМИ настаивает на необходимости поддержки именно национального бизнеса, так как «основными потребителями являются индонезийцы, которые должны отдавать приоритет национальным интересам. Поэтому экономическая справедливость должна стать основой программы развития экономики, которую не следует отдавать на откуп рынку. В противном случае возникнет социальное неравенство» [18].

Альтернативой последнему, по мнению мусульманских интеллектуалов, является внедрение принципов «шариатской экономики», которая постепенно становится более популярной в индонезийских интеллектуальных кругах [15], если не как форма реальной экономической практики и активности, то, как минимум, на концептуальном уровне. как полагает Мухаммад Зайнул Мажди, «основана только на исламских учениях, будучи направленной на справедливость и благополучие всех людей, включая немусульман» [18]. С. Антонио, несколько развивая эту точку зрения, придает более частное определение «шариатской экономики», полагая, что под последней необходимо понимать «всю индонезийскую экономику, которая является халяльной и не противоречит шариату» [18]. Поэтому активисты ИАМИ настаивают на том, что «в сво-

бодном рыночном пространстве есть много возможностей, которые можно использовать, поэтому оно нуждается в надзоре» [23] со стороны государства.

В целом, ислам в Индонезии тесно связан с национализмом, фактически играя роль одного из каналов актуализации и визуализации одновременной этнической и религиозной идентичности, основанной на концепции «ислама Нусантары» [13]. Именно поэтому, стремясь показать важность исторического наследия светского национализма, Ариф Сатрия все-таки стремится синтезировать его с исламом, предлагая программу-минимум для развития Индонезии, включающую несколько положений. Во-первых, существование как Индонезии, так и индонезийской нации воспринимается как форма благословения Аллаха. Во-вторых, предлагается продолжать деятельность Пророка, направленную на изменение социального и экономического порядка в направлении его улучшения. В-третьих, подчеркивается, что ислам не является регрессивной верой, но представляет собой одно из оснований индонезийской модели развития, в том числе – технического прогресса. Несмотря на явное использование идей светского национализма, мусульманские интеллектуалы осторожны и умеренны в своих попытках национализации ислама в Индонезии и не столь активно продвигают концепт «ислама Нусантары» [32], чем другие организации. Указывая на важность последнего, Ариф Сатрия подчеркивает, что индонезийцы «должны быть более оптимистичными в освоении современной науки и техники, что позволит их стране стать определяющим фактором новой цивилизации», подчеркивая при этом то, что правильные, по его мнению, «наука и технология основаны на вере и благочестии» [31], представленной исламом.

Мусульманские индонезийские интеллектуалы пытаются найти компромисс между ценностями уммы и принципами светского национализма. В связи с этим Джимли Асшиддики, признавая наличие проблем в отношениях между верующими и светским государством, созданным идеологией национализма, подчеркивает, что «демократию в Индонезии не следует заменять чем-то другим, ее следует просто подремонтировать» [12]. Таким образом, мусульманские интеллектуалы полагают, что демократия не может автоматически восприниматься как синоним развития в силу того, что, например, КНР не может быть отнесена к числу демократических государств. Вместе с тем демократия в Индонезии, по мнению Джимли Асшиддики, «может быть хорошо реализована, если вы понимаете ее смысл». Последний, по его мнению, состоит в «ответственном и идеальном выполнении обязанностей» [17] как со стороны правительства, так и граждан.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных как с историей, так и актуальным состоянием ИАМИ, что определяет ее место, роль и значение в интеллектуальной жизни современной Индонезии.

Появление ИАМИ отразило объективные тенденции фрагментации индонезийского научного сообщества по принципу интеграции в международные академические контексты и восприятия влияния западных научных школ. Поэтому институционализация научной части уммы в форме ИАМИ стала попыткой консолидированного ответа и проявлением визуализировать и актуализировать потенциал научного знания, основанного на уважении норм ислама и их интеграции в современный научный инструментарий, который в

значительной степени является секулярным, нежели принимающим во внимание мнение и точку зрения религиозных активистов, включая мусульман.

Не следует ставить под сомнение потенциал и вклад ИАМИ в консолидации индонезийского социума и актуализации той роли, которая принадлежит в нем как активным представителям уммы (теологам, историкам ислама, представителям исламского образования), так и светского политического класса, представленного бывшими военными и высокопоставленными государственными служащими. Кроме этого в деятельности ИАМИ принимают активное участие и женщины, что указывает на достаточный уровень их интеграции в академическое сообщество и ту роль, которая им принадлежит в рамках современного индонезийского социума.

Таким образом, ИАМИ относится к числу тех факторов в современной политической и интеллектуальной истории мусульманской уммы в Индонезии, которые вносят значительный вклад в консолидацию общества, актуализируя мобилизационный потенциал верующих с целью противодействия угрозам, исходящим со стороны радикальных форм ислама.

Список источников

1. Гаджиев Т.Ф. Ещё раз к вопросу об исламизации Индонезии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2020. Т. 16. № 1. С. 193 – 210.
2. Другов А.Ю. Мусульманский радикализм и терроризм в современной Индонезии // Религия и общество на Востоке. 2020. № 4. С. 230 – 254.
3. Ефимова Л.М. Ислам и власть в современной Индонезии: поиски баланса в условиях демократии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2. № 4. С. 69 – 87.
4. Кирчанов М. В. Восприятие коммунизма в современной политике памяти Индонезии: между «возвращением» и «забвением» // Восточный курьер / Oriental Courier. 2022. № 2. С. 25 – 35.
5. Кирчанов М.В. Политический ислам в Индонезии в 2021 г.: умма между модернизацией и радикализацией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2. № 2 (55). С. 112 – 124.
6. Кирчанов М.В. Радикальный ислам и умма в Индонезии в 2021 г.: акторы, процессы и противоречия // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 353 – 376.
7. Кірчанаў М.В. Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта // Гісторыя. 2022. № 3. С. 82 – 92.
8. Файншмидт Р.И. Факторы радикализации ислама в Индонезии в конце XX – начале XXI в. // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 285 – 289.
9. Al Qurtuby S. Saudi Arabia and Indonesian Networks: On Islamic and Muslim Scholars // Islam Nusantara: Journal for the Study of Islamic History and Culture. 2021. Vol. 2. No 2. P. 17 – 44. DOI: <https://doi.org/10.47776/islamnusantara.v3i1.118>
10. Ali S. Pancasila dan Agama-agama // ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/pancasila-dan-agama-agama>

11. Ali S. Refleksi Peristiwa 9-11 // ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/refleksi-peristiwa-9-11>
12. Asshiddiqie J. Demokrasi di Indonesia Jangan Diganti, Diperbaiki Saja // ICMI. 2019. Maret 26. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/icmi-demokrasi-di-indonesia-jangan-diganti-diperbaiki-saja>
13. Badrun, Islam Nusantara as Strategy for Indonesian Nasionalism Inauguration // ADDIN. Media. Dialektika. Ilmu. Islam. 2019. Vol. 13. No 2. P. 247 – 270. DOI: <http://dx.doi.org/10.21043/addin.v13i2.6990>
14. Banker C. The Changing Face of Indonesian Islam // The Diplomat. 2019. December 24. URL: <https://thediplomat.com/2019/12/the-changing-face-of-indonesian-islam/>
15. Choiruzzad S., Nugroho B. Indonesia's Islamic Economy Project and the Islamic Scholars // Procedia Environmental Sciences. 2013. Vol. 17. P. 957 – 966.
16. Cook E. Indonesian cleric re-enters the fray // The Interpreter. 2020. November 20. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesian-cleric-re-enters-fray>
17. Demokrasi Pancasila Telah Sempurna, Pelaksanaannya Bisa Dikembangkan Lagi // ICMI. 2018. Maret 16. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/icmi-demokrasi-pancasila-telah-sempurna-pelaksanaannya-bisa-dikembangkan-lagi>
18. Diskusikan Ekonomi Pancasila, ICMI Hadirkan TGB, Soetrisno Bachir dan Syafii Antonio // ICMI. 2018. Juli 11. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/diskusikan-ekonomi-pancasila-icmi-hadirkan-tgb-soetrisno-bachir-dan-syafii-antonio>
19. Esfandiar M. Islam Nusantara and the Challenges of Political Islam in the Contemporary World // Islam Nusantara: Journal for the Study of Islamic History and Culture. 2022. Vol. 3. No 1. P. 21 – 36. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.47776/islamnusantara.v3i1.147>
20. Formichi C. Religious Pluralism in Indonesia: Threats and Opportunities for Democracy. Cornell: Southeast Asia Program Publications, 2021. 276 p.
21. Hefner R.W. Islam, State, and Civil Society: ICMI and the Struggle for the Indonesian Middle Class // Indonesia. 1993. No 56. P. 1 – 35.
22. Hisanori Kato, The Clash of Ijtihad Fundamentalist versus Liberal Muslims. Lithouse: Indian Society for Promoting Christian Knowledge, 2016. 254 p.
23. ICMI Harus Terlibat di Pasar Bebas // ICMI. 2018. April 25. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/icmi-harus-terlibat-di-pasar-bebas>
24. Laju Dunia Global dan Islam // ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/laju-dunia-global-dan-islam>
25. Madjid N. Islam, Kemodernan dan Keindonesiaan. Bandung: Mizan, 1987.
26. Madjid N. Islam: Doktrin dan Peradaban. Jakarta: Yayasan Paramadina, 1992.
27. Nugroho J. The cleric shell game in Indonesia // The Interpreter. 2021. January 15. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/cleric-shell-game-indonesia>
28. Platzdasch B. Islamism in Indonesia: Politics in the Emerging Democracy. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2009. 452 p.

29. Sasongko B. Memaksimalkan Bonus Demografi // ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/memaksimalkan-bonus-demografi>
30. Satria A. Muhasabah Diri untuk Perkuat Etos Kemajuan // ICMI. 2022. Juli 29. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/arif-satria-muhasabah-diri-untuk-perkuat-etos-kemajuan>
31. Satria A. Syukur Era 4.0 // ICMI. 2022. April 16. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/syukur-era-4-0-oleh-arif-satria>
32. Schaefer S. Islam Nusantara: The Conceptual Vocabulary of Indonesian Diversity // *Islam Nusantara: Journal for the Study of Islamic History and Culture*. 2021. Vol. 2. No 2. P. 1 – 16. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.47776/islamnusantara.v3i1.163>
33. Temby Q. The elusive pragmatist who transformed political Islam in Indonesia // *The Interpreter*. 2020. July 16. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/elusive-pragmatist-who-transformed-political-islam-indonesia>
34. Wahid A. Indonesia's Mild Secularism // *SAIS Review*. 2001. Vol. 21. No 2. P. 25 – 28.
35. Woodward M. Islam Nusantara: A Semantic and Symbolic Analysis // *Heritage of Nusantara: International Journal of Religious Literature and Heritage*. 2017. Vol. 6. No 2. P. 181 – 198.

References

1. Gadzhiev T.F. Once again on the issue of Islamization of Indonesia. *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 193 – 210.
2. Drugov A.Yu. Muslim radicalism and terrorism in modern Indonesia. *Religion and society in the East*. 2020. No. 4. P. 230 – 254.
3. Efimova L.M. Islam and power in modern Indonesia: the search for balance in a democracy. *Southeast Asia: current problems of development*. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 69 – 87.
4. Kirchanov M.V. Perception of communism in the modern politics of memory of Indonesia: between "return" and "oblivion". *Oriental Courier*. 2022. No. 2. P. 25 – 35.
5. Kirchanov M.V. Political Islam in Indonesia in 2021: Ummah between Modernization and Radicalization. *Southeast Asia: Current Development Issues*. 2022. Vol. 2. No. 2 (55). P. 112 – 124.
6. Kirchanov M.V. Radical Islam and Ummah in Indonesia in 2021: Actors, Processes, and Contradictions. *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 353 – 376.
7. Kirchana M.V. History of Islam as an object of memory in India. *Hours of the Belarusian State University. History*. 2022. 3. P. 82 – 92.
8. Fainshmidt R.I. Factors of radicalization of Islam in Indonesia at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. *Power*. 2021. Vol. 29. No. 4. P. 285 – 289.
9. Al Qurtuby S. Saudi Arabia and Indonesian Networks: On Islam and Muslim Scholars. *Islam Nusantara: Journal for the Study of Islamic History and Culture*. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 17 – 44. DOI: <https://doi.org/10.47776/islamnusantara.v3i1.118>

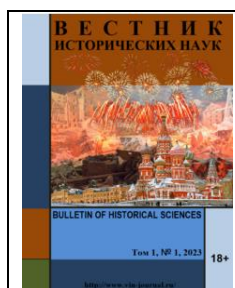
10. Ali S. Pancasila dan Agama-agama. ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/pancasila-dan-agama-agama>
11. Ali S. Refleksi Peristiwa 9-11. ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/refleksi-peristiwa-9-11>
12. Asshiddiqie J. Demokrasi di Indonesia Jangan Diganti, Diperbaiki Saja. ICMI. 2019. Maret 26. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/icmi-demokrasi-di-indonesia-jangan-diganti-diperbaiki-saja>
13. Badrun, Islam Nusantara as Strategy for Indonesian Nasionalism Inauguration. ADDIN. Media. Dialektika. Ilmu. Islam. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 247 – 270. DOI: <http://dx.doi.org/10.21043/addin.v13i2.6990>
14. Banker C. The Changing Face of Indonesian Islam. The Diplomat. 2019. December 24. URL: <https://thediplomat.com/2019/12/the-changing-face-of-indonesian-islam>
15. Choiruzzad S., Nugroho B. Indonesia's Islamic Economy Project and the Islamic Scholars. Procedia Environmental Sciences. 2013. Vol. 17. P. 957 – 966.
16. Cook E. Indonesian cleric re-enters the fray. The Interpreter. 2020. November 20. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesian-cleric-re-enters-fray>
17. Demokrasi Pancasila Telah Sempurna, Pelaksanaannya Bisa Dikembangkan Lagi. ICMI. 2018. Maret 16. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/icmi-demokrasi-pancasila-telah-sempurna-pelaksanaannya-bisa-dikembangkan-lagi>
18. Diskusikan Ekonomi Pancasila, ICMI Hadirkan TGB, Soetrisno Bachir dan Syafii Antonio. ICMI. 2018. Juli 11. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/diskusikan-ekonomi-pancasila-icmi-hadirkan-tgb-soetrisno-bachir-dan-syafii-antonio>
19. Esfandiar M. Islam Nusantara and the Challenges of Political Islam in the Contemporary World. Islam Nusantara: Journal for the Study of Islamic History and Culture. 2022. Vol. 3. No. 1. P. 21 – 36. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.47776/islamnusantara.v3i1.147>
20. Formichi C. Religious Pluralism in Indonesia: Threats and Opportunities for Democracy. Cornell: Southeast Asia Program Publications, 2021. 276 p.
21. Hefner R.W. Islam, State, and Civil Society: ICMI and the Struggle for the Indonesian Middle Class. Indonesia. 1993. No. 56. P. 1 – 35.
22. Hisanori Kato, The Clash of Ijtihad Fundamentalist versus Liberal Muslims. Lithouse: Indian Society for Promoting Christian Knowledge, 2016. 254 p.
23. ICMI Harus Terlibat di Pasar Bebas. ICMI. 2018. April 25. URL: <https://icmi.web.id/media/kabar-icmi/icmi-harus-terlibat-di-pasar-bebas>
24. Laju Dunia Global dan Islam. ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/laju-dunia-global-dan-islam>
25. Madjid N. Islam, Kemodernan dan Keindonesiaan. Bandung: Mizan, 1987.
26. Madjid N. Islam: Doktrin dan Peradaban. Jakarta: Yayasan Paramadina, 1992.
27. Nugroho J. The cleric shell game in Indonesia. The Interpreter. 2021. January 15. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/cleric-shell-game-indonesia>

28. Platzdasch B. *Islamism in Indonesia: Politics in the Emerging Democracy*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2009. 452 p.
29. Sasongko B. *Memaksimalkan Bonus Demografi*. ICMI. 2019. Mei 6. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/memaksimalkan-bonus-demografi>
30. Satria A. *Muhasabah Diri untuk Perkuat Etos Kemajuan*. ICMI. 2022. Juli 29. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/arif-satria-muhasabah-diri-untuk-perkuat-etos-kemajuan>
31. Satria A. *Syukur Era 4.0 / ICMI*. 2022. April 16. URL: <https://icmi.web.id/opini-dan-tokoh/opini/syukur-era-4-0-oleh-arif-satria>
32. Schaefer S. *Islam Nusantara: The Conceptual Vocabulary of Indonesian Diversity*. *Islam Nusantara: Journal for the Study of Islamic History and Culture*. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 1 – 16. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.47776/islamnusantara.v3i1.163>
33. Temby Q. *The elusive pragmatist who transformed political Islam in Indonesia*. *The Interpreter*. 2020. July 16. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/elusive-pragmatist-who-transformed-political-islam-indonesia>
34. Wahid A. *Indonesia's Mild Secularism*. *SAIS Review*. 2001. Vol. 21. No. 2. P. 25 – 28.
35. Woodward M. *Islam Nusantara: A Semantic and Symbolic Analysis*. *Heritage of Nusantara: International Journal of Religious Literature and Heritage*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 181 – 198.

Информация об авторе

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, Воронежский государственный университет

© Кирчанов М.В., 2023

Научно-исследовательский журнал «Вестник исторических наук / **Bulletin of Historical Sciences**»

<https://vin-journal.ru>

2023, Том 1, № 4 / 2023, Vol. 1, Iss. 4 <https://vin-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.195

¹ Куликов А.В.,

¹ Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Основные трудности функционирования судов присяжных в поволжских городах в ходе судебных преобразований в период с 1864 по 1917 гг. (на примере губерний Поволжья)

Аннотация: в статье, предпринята попытка через исторический опыт, который помогает избежать ошибок и негативные тенденции, свойственные эволюционным процессам развития гражданского общества при восприятии и внедрении различных моделей государственного устройства в период функционирования судов присяжных с 1864 г. по 1917 г. на территории Поволжских регионов. Судебная реформа и введение суда присяжных было положительно воспринято представителями научного сообщества, общественностью, юристами того времени, поскольку это качественно меняло систему судопроизводства Российской империи, а суд присяжных был ядром судебных преобразований и призван был повысить доверие граждан к государственной судебной системе, основанной на принципах справедливости, гласности, законности судебных решений. В то же время на начальном этапе работа судов присяжных в российских провинциях сопровождалась сложностями. Одной из них, как отмечено выше, была нехватка среди местного населения кандидатов на места присяжных, соответствующих предъявляемым требованиям, без соблюдения которых состав присяжных заседателей было невозможно сформировать, либо он осуществлялся с нарушениями, что приводило к отмене вынесенных судом решений. К компетенции судов присяжных относились уголовные дела о преступлениях средней и большой тяжести, по которым предусматривались такие виды наказаний, как лишение имущества, длительный тюремный срок, смертная казнь, а к компетенции присяжных относилось установление виновности или невиновности подсудимого по результатам рассмотрения дела, включая проведённые опросы свидетелей и изучение представленных доказательств. Приговоры суда присяжных апелляции не подлежали, могли только быть пересмотрены или отменены при направлении такой просьбы в вышестоящую окружную судебную палату. В состав суда присяжных входили три профессиональных судьи, двенадцать основных и два запасных присяжных заседателя, избранных из заранее утверждённого списка по жребию.

Ключевые слова: судебная реформа, губернии Поволжья, суд присяжных, Александр II, права человека, судебная защита, приговор, меры наказания, профессиональные судьи

Для цитирования: Куликов А.В. Основные трудности функционирования судов присяжных в поволжских городах в ходе судебных преобразований в период с 1864 по 1917 гг. (на примере губерний Поволжья) // Вестник исторических наук. 2023. Том 1. № 4. С. 24 – 32.

Поступила в редакцию: 2 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 4 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

¹ *Kulikov A.V.*,

¹ *Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov*

The main difficulties in the functioning of jury courts in Volga cities during judicial reforms in the period from 1864 to 1917 (using the example of the Volga region provinces)

Abstract: the article makes an attempt through historical experience, which helps to avoid mistakes and negative trends inherent in the evolutionary processes of development of civil society in the perception and implementation of various models of government during the functioning of jury courts from 1864 to 1917 in the Volga regions. Judicial reform and the introduction of jury trials were positively received by representatives of the scientific community, the public, and lawyers of that time, since this qualitatively changed the judicial system of the Russian Empire, and the jury was the core of judicial reforms and was designed to increase citizens' confidence in the state judicial system, based on the principles of fairness, transparency, and the legality of judicial decisions. At the same time, at the initial stage, the work of jury trials in the Russian provinces was accompanied by difficulties. One of them, as noted above, was the shortage of candidates for jury seats among the local population who met the requirements, without which the composition of the jury could not be formed, or it was carried out with violations, which led to the cancellation of court decisions. The jurisdiction of jury courts included criminal cases of crimes of medium and great gravity, which provided for such types of punishment as deprivation of property, a long prison term, the death penalty, and the competence of the jury included establishing the guilt or innocence of the defendant based on the results of the consideration of the case, including surveys conducted witnesses and examination of the evidence presented. Jury verdicts were not subject to appeal; they could only be reviewed or canceled if such a request was sent to a higher district court chamber. The jury consisted of three professional judges, twelve main and two reserve jurors, selected from a pre-approved list by lot.

Keywords: judicial reform, Volga region provinces, jury trial, Alexander II, human rights, judicial protection, verdict, penalties, professional judges

For citation: Kulikov A.V. The main difficulties in the functioning of jury courts in Volga cities during judicial reforms in the period from 1864 to 1917 (using the example of the Volga region provinces). *Bulletin of Historical Sciences*. 2023. 1 (4). P. 24 – 32.

The article was submitted: September 2, 2023; Approved after reviewing: November 4, 2023; Accepted for publication: December 15, 2023.

Введение

Первые процессы судов с присяжными прошли в Санкт-Петербурге и в Москве в 1866 году. Данное было вызвано назревшим на тот период времени кризисом социально-государственного строя, несостоятельностью действующей системы суда и судопроизводства, характеризующихся нарушениями прав человека, беззаконием, некомпетентностью судебных специалистов. Одна из форм судопроизводства, которая сформировалась ещё в XIII веке и существует в настоящее время в судебной системе многих стран – это суд присяжных. Недоверие граждан к суду и к справедливости выносимых судьями решений провоцировало народ вершить самосуд, что создавало порочный круг новых преступлений. И.Г. Домрачев указывает в своём диссертационном исследовании, что на тот момент судебная система Российской империи была хаотичной, разветвлённой и малоэффективной. Процесс преимущественно носил инквизиционный характер, строился на давлении на подсудимого признать свою вину. Судьи злоупотребляли своим служебным положением, доказательства виновности или невинности рассматривали поверхностно, а в качестве основного доказательства по делу часто применяли такой архаичный вид, как присяга тяжущихся [3, с. 14].

Материалы и методы исследований

Методология исследования основана на проблемно-хронологическом подходе к социально-правовым явлениям. В работе были использованы общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, обобщение) и частно-научные методы исследования (историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический, статистический). Для написания представленной статьи использовались такие научные методы, как исторический метод, метод анализа, синтеза и формально-логический методы. В целях написания исследования обобщался исследовательский опыт, отраженный в ряде научных источников. Предметом исследования является анализ ошибок и негативных тенденций, которые были свойственны эволюционным процессам развития гражданского общества при восприятии и внедрении различных моделей государственного устройства в период функционирования судов присяжных с 1864 г. по 1917 г. на территории Поволжских регионов, а также приводятся доводы о том, что именно суд присяжных являлся институтом, где анализируемый принцип проявлялся наиболее полно.

Результаты и обсуждения

После введения в 1864 году Судебных уставов началась работа по реформированию судебных учреждений, срок которой был установлен с 1866 г. по 1870 г. Но фактически эта работа была завершена только в 1899 году. При этом на части территорий Российской империи, как указывает Н.А. Дудко, суд присяжных так не был сформирован (Архангельская губерния, Закавказье, Северный Кавказ, Казахстан, Прибалтика и др.). Проекты судебных преобразований предусматривали, в том числе, формирование и

введение в отечественную судебную систему суда присяжных [4, с. 2836].

Судебная реформа, проводимая в Поволжских регионах, включая образование суда присяжных, осуществлялась в течение 1866-1870 годов. Проводимые преобразования были реализованы на территориях Казанской, Нижегородской, Саратовской, Самарской, Симбирской губерний. Реформа потребовала образования окружных судов, согласно административно-территориальному делению. Так в Казанской губернии, как в крупнейшей в Поволжье, окружной суд был открыт 8 ноября 1870 года. Затем 15 ноября того же года был открыт Симбирский окружной суд, включивший в себя два уездных отделения в Алатыре и Сызрани. В Симбирске суд действовал постоянно, а в отделениях открывалось присутствие два раза в год для рассмотрения уголовных дел [9, с. 13].

Так, например, в Самарской губернии окружной суд был открыт 25 ноября 1870 года. Согласно реформе, был образован округ Казанской судебной палаты, в подчинение которому попали окружные суды Казанской, Симбирской и Самарской губерний. По такому же принципу была образована и Саратовская судебная палата, в юрисдикцию которой вошли Саратовский, Астраханский, Оренбургский, Пензенский, Тамбовский, Троицкий, Уральский окружные суды. Судебные палаты рассматривали апелляции по гражданским и уголовным делам, рассмотренным в окружных судах без присяжных, а также дела о государственных преступлениях. При них состояли прокурорский надзор, совет присяжных поверенных, канцелярия [11, с. 28]. С образованием окружных судов были воплощены новые принципы организации судопроизводства, включая деятельность такого правового института, как суд присяжных.

Следует отметить, что в качестве присяжных заседателей, согласно закону, избирались местные жители любых сословий, состоящие в русском подданстве, знающие русский язык, умеющие читать по-русски и проживающие в уезде, где избирались, не менее двух лет. Возраст присяжных был установлен от 25 до 70 лет. Не могли быть присяжными заседателями лица, осуждённые или находящиеся под следствием, отстранённые от службы или из духовенства, являющиеся должниками, находящиеся под контролем и опекой за расточительство, слепые, глухие, немые, лишённые рассудка люди, а также священнослужители, монахи, военные, учителя народных школ, прислуга и люди, «впавшие в крайнюю бедность». Предъявлялись к избираемым кандидатам в присяжные и определённые имущественные требования – владение недвижимым имуществом, стоимостью не менее 1000 рублей в губернских городах и не менее 500 рублей – в иных местах; размер жалования или дохода присяжного в губерниях должен был составлять не менее 200 рублей в год [1, с. 69].

Списки присяжных формировались специальной комиссией уездного земского собрания. Сначала составлялись наиболее полные списки кандидатов, соответствующих требованиям закона. Затем из них отбирались присяжные для серии процессов, составлялись списки основных и запасных присяжных. Списки присяжных передавались полиции, которая обеспечивала их явку в суд. Участие лица в качестве присяжного допускалось только один раз в год в рамках одного дела. Также лица, уже побывавшие в качестве присяжного, имели право отказаться от данной обязанности на следующий год. Однако на этот счёт допускались исключения, если в уезде не было достаточного количества лиц, соответствующих требованиям для избрания в присяжные заседатели [7, с. 10].

Вопрос о решении с достаточным количеством присяжных наиболее остро стоял в небольших уездных городах, в том числе в Симбирской губернии. Так, С.Ю. Заводюк пишет, что значительную часть присяжных в поволжских губерниях составляли крестьяне. Например, в Алатырском уезде в 1871 году в первоочередном списке присяжных заседателей к крестьянскому сословию относилось 84 человека из 115, в Сенгилеевском уезде 24 из 39. В период полевых работ таких присяжных было очень сложно привлечь к участию в суде, за что те подвергались штрафам. Более того, из-за нехватки достойных присяжных в списки попадали крестьяне, которые были неспособны заплатить штраф. Трудности с избранием присяжных сопровождалась также этнической неоднородностью населения, которое плохо знало русский язык (татары, мордва, чуваша) [5, с. 23]. Судебные дела с участием присяжных, которые не имели права становится присяжными, приводило к отмене вынесенных приговоров. Поэтому более эффективно суды присяжных функционировали в губернских городах, чем в небольших уездах. В ходе их практической деятельности и накопления опыта на территории поволжских губерний впоследствии было решено отказаться от судов присяжных в мелких административных единицах [9, с. 17].

Особенность судов присяжных являлось рассмотрение уголовных дел о преступлениях средней и большой тяжести, за которые предусматривались серьёзные наказания – лишение имущества, длительное тюремное заключение, ссылка, смертная казнь[1]. В состав такого суда входили выбранные по жребию двенадцать присяжных и ещё два запасных заседателя, а также трое профессиональных судей, один из которых избирался председательствующим. В ходе судебного заседания проводилось публичное слушание дела и гласное судебное следствие, цель которых – установить все обстоятельства совершённого преступного деяния. Присяжные во время суда имели право предлагать свидетелям вопросы (через председательствующего судью), знакомиться с доказательствами, подтверждающими обвинение или оправдывающими подсудимого, просить разъяснения по всем обстоятельствам рассматриваемого дела. Также для присяжных действовали и ограничения: запрет отлучаться из зала заседания, запрет на разглашение результатов судебного следствия, запрет на общение с лицами, не входящими в состав суда. За подобные нарушения присяжные отстранялись от рассмотрения дела, а также наказывались штрафами, уплатой издержек, понесённых сторонами [6, с. 228].

По результатам судебного следствия присяжные выносили решение о виновности либо невиновности подсудимого, принятое единогласно или большинством голосов. В случае разделения голосов пополам, решение принималось в пользу подсудимого. Окончательный приговор и решение о мерах наказания выносились профессиональными судьями публично в присутствии всех сторон. Приговоры суда присяжных апелляции не подлежали. Обжаловать их можно было только в кассационном порядке, то есть посредством направления просьбы о пересмотре или отмене приговора в Казанскую судебную палату, а после неё – в правительствующий Сенат и лично Государю Императору [1, с. 74].

Судебная реформа и введение суда присяжных было положительно воспринято представителями научного сообщества, общественностью, юристами того времени, поскольку это качественно меняло систему судопроизводства Российской империи. Суд присяжных был ядром судебных преобразований и призван был повысить доверие граждан к государственной судебной системе, основанной на принципах

справедливости, гласности, законности судебных решений. В то же время на начальном этапе работа судов присяжных в российских провинциях сопровождалась сложностями. Одной из них, как отмечено выше, была нехватка среди местного населения кандидатов на места присяжных, соответствующих предъявляемым требованиям, без соблюдения которых состав присяжных заседателей было невозможно сформировать, либо он осуществлялся с нарушениями, что приводило к отмене вынесенных судом решений. Губернатор Астраханской губернии Н.Н. Биппен, например, признавая необходимость введения суда присяжных, указывал на особенности поволжских территорий, населённых кочевыми народами, характеризующимися национальной и религиозной разнородностью. Кроме того, в списки присяжных заседателей вносились жители количеством, зависящим от численности населения города или уезда. Если в уезде (городе) меньше 100 тысяч человек, то должно быть 200 основных и 60 запасных заседателей. Кроме как в крупных городах губернии набрать такое количество присяжных, соответствующих всем требованиям, было невозможно [10, с. 53]. На подобные проблемы в Среднем Поволжье и Симбирской губернии указывают С.Ю. Заводюк [5, с. 229] и Р.Р. Мухамедов [9, с. 18] в своих исследованиях.

Немаловажным фактом являлось и то, что Поволжские губернии, славившиеся рыбным промыслом и наличием соответствующих нарушений рыболовных законов, при рассмотрении дел судом присяжных не могли давать объективную оценку преступлений, поскольку в состав присяжных так или иначе входили участники, заинтересованные в рыболовном деле. По понятиям местного населения подобные преступления не заслуживали порицания. Стоит отметить, что суд присяжных в Астраханской губернии был учреждён одним из последних в результате судебной реформы – в июле 1898 года [10, с. 50].

На долю судов присяжных приходилось до трети всех дел, разбиравшихся окружными судами, и во всей массе рассмотренных уголовных дел ими выносилось большое количество оправдательных приговоров (до 40%) [2, с. 70]. Присяжные чаще всего оказывали снисхождение двоеженцам, вора́м, нарушителям общественного порядка, людям, нанёсшим оскорбления должностным лицам. Мягкость присяжных к определённым типам преступлений и оправдание преступников, их совершивших, были одними из основных в числе негативных характеристик у критиков деятельности судов присяжных. Французский историк К. Кардонн ещё в конце XIX века объяснял причину излишней мягкости присяжных национальным менталитетом русского народа [2, с. 72].

Суды присяжных в Российской империи просуществовали до конца 1917 года, после чего были упразднены. А.А. Демичев, один из немногих исследователей, который проанализировал функционирование суда присяжных за 1917 год после свержения монархии и прихода к власти Временного правительства. В период между Февральской и Октябрьской революциями компетенции суда присяжных были расширены, был сформирован военный суд присяжных, упразднены национальные и имущественные цензы для избрания граждан в списки присяжных заседателей [1, с. 80].

Выводы

С отменой имперского законодательства в конце 1917 года были отменены и особенности государственного судебного устройства. аким образом, суд присяжных, как институт судопроизводства, был впервые введён в Российской империи в ходе судебной реформы. В 1984 году были приняты Судебные уставы, определившие новую систему судебных учреждений, включая открытие окружных судов на административных территориях государства и введение в их юрисдикцию судов присяжных. В Поволжских губерниях (Казанская, Самарская, Симбирская, Саратовская) окружные суды и суды присяжных начали функционировать с конца 1870 года. К компетенции судов присяжных относились уголовные дела о преступлениях средней и большой тяжести, по которым предусматривались такие виды наказаний, как лишение имущества, длительный тюремный срок, смертная казнь. В состав суда присяжных входили три профессиональных судьи, двенадцать основных и два запасных присяжных заседателя, избранных из заранее утверждённого списка по жребию. К компетенции присяжных относилось установление виновности или невиновности подсудимого по результатам рассмотрения дела, включая проведённые опросы свидетелей и изучение представленных доказательств. Окончательный приговор и решение о мерах наказания выносились профессиональными судьями публично.

Также установлено, что трудности функционирования судов присяжных в поволжских городах, прежде всего в небольших уездах, сопровождались нехваткой среди местного населения кандидатов, соответствующих предъявляемым требованиям к присяжным, большим национальным и религиозным разнообразием и плохим знанием русского языка, территориальным менталитетом и снисходительностью к определённым видам преступлений, например, в промысловой сфере. Приговоры суда присяжных апелляции не подлежали, могли только быть пересмотрены или отменены при направлении такой просьбы в вышестоящую окружную судебную палату.

Нарушение требований к избранию присяжных, а также несоблюдение процедурных требований в ходе заседаний приводили к отмене решений, вынесенных судом присяжных. Финальный этап деятельности судов присяжных пришёлся на период между Февральской и Октябрьской революциями, и в конце 1917 года суды присяжных были упразднены.

Список источников

1. Бойко Н.С., Макарова Т.А., Лукашевич С.В. Деятельность военно-судебной юстиции в борьбе с особо опасными государственными преступлениями на рубеже XIX – начала XX вв. // В сборнике: Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка: Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. 2023. С. 81 – 84.

2. Демичев А.А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70-80-е годы XIX в. (новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. 2012. № 10. С. 66 – 73.

3. Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII-XX вв.: позитивные и негативные результаты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 28 с.

4. Дудко Н.А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2834 – 2840.
5. Заводюк С.Ю. Проблемы организации и деятельности окружных судов в российской империи второй половины XIX в. (на примере Самарской губернии) // Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 21 – 24.
6. Заводюк С.Ю. Симбирский окружной суд: особенности организации и деятельности во второй половине XIX века // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 222 – 232.
7. Луковкин К.Е. Формирование и развитие института адвокатуры в Среднем Поволжье с 1864 по 1917 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2011. 22 с.
8. Мухамедов Р.Р. Деятельность Симбирского суда присяжных заседателей (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 13 – 17.
9. Акимов И.С., Бойко Н.С., Солодовникова А.В. Проблемы обеспечения государственной безопасности и правопорядка в Симбирской губернии (с начала XVII до конца XIX вв.) // В сборнике: Петр I и становление российского следствия: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 13 – 18.
10. Савельева Е.В., Черник М.В. Введение суда присяжных в российской провинции в конце XIX века: опыт взаимодействия центральных и местных властей (на материалах Астраханской губернии) // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 49 – 54.
11. Тарасов В.Н. Судебная реформа 1864 года в Саратовской губернии: историко-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 27 – 31.

References

1. Boyko N.S., Makarova T.A., Lukashovich S.V. Activities of military judicial justice in the fight against especially dangerous state crimes at the turn of the XIX – early XX centuries. In the collection: Russian civilization in the era of global evolution: ensuring security and searching for ways to solve problems in the context of a changing world order: Collection of articles based on the materials of the II International scientific and practical conference of students, graduate students, teachers. 2023. P. 81 – 84.
2. Demichev A.A. Judicial counter-reform or the crisis of the judicial system of Russia in the 70-80s of the XIX century (a new look at solving an old problem). State and Law. 2012. No. 10. P. 66 – 73.
3. Domrachev I.G. Judicial reforms in Russia in the XVIII-XX centuries: positive and negative results: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Vladimir, 2008. 28 p.
4. Dudko N.A. Phased introduction of jury trial in the Russian Empire under the judicial reform of 1864. Actual problems of Russian law. 2014. No. 12. P. 2834 – 2840.
5. Zavodyuk S.Yu. Problems of organization and activities of district courts in the Russian Empire of the second half of the 19th century (on the example of the Samara province). Science and Culture of Russia. 2016. Vol. 1. P. 21 – 24.

6. Zavodyuk S.Yu. Simbirsk District Court: features of organization and activities in the second half of the 19th century. *Voyager: world and man*. 2017. No. 8. P. 222 – 232.

7. Lukovkin K.E. Formation and development of the institution of advocacy in the Middle Volga region from 1864 to 1917: author's abstract. diss. ... cand. history. Cheboksary: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, 2011. 22 p.

8. Mukhamedov R.R. Activities of the Simbirsk jury court (second half of the 19th – early 20th centuries). *Scientific notes of Kazan State University. Humanities*. 2009. No. 4. P. 13 – 17.

9. Akimov I.S., Boyko N.S., Solodovnikova A.V. Problems of ensuring state security and law and order in the Simbirsk province (from the beginning of the 17th to the end of the 19th centuries). In the collection: *Peter I and the formation of the Russian investigation: Materials of the international scientific and practical conference*. Moscow, 2022. P. 13 – 18.

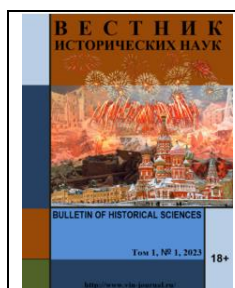
10. Savelyeva E.V., Chernik M.V. Introduction of jury trial in the Russian provinces at the end of the 19th century: experience of interaction between central and local authorities (based on the materials of the Astrakhan province). *Modern scientific thought*. 2019. No. 5. P. 49 – 54.

11. Tarasov V.N. Judicial reform of 1864 in the Saratov province: historical and legal aspect. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2014. No. 5 (100). P. 27 – 31.

Информация об авторе

Куликов А.В., Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
zenit96.96.98@mail.ru

© Куликов А.В., 2023

Научно-исследовательский журнал «Вестник исторических наук / **Bulletin of Historical Sciences**»

<https://vin-journal.ru>

2023, Том 1, № 4 / 2023, Vol. 1, Iss. 4 <https://vin-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 378.075

¹ Мокшина Е.Н., ¹ Александров С.Г.,

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Роль в патриотическом воспитании современной молодежи Ульяновского регионального отделения Общероссийского движения по увековечению памяти погибших при защите отечества

Аннотация: в статье раскрываются основные направления деятельности Ульяновского регионального отделения Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества в настоящее время. «Поисковое движение России» было создано в апреле 2013 года и является одной из самой крупной организацией, занимающейся полевой и архивной поисковой работой. 14 апреля 2024 года 10 летний юбилей поискового движения Российской Федерации. Следует отметить, что в Ульяновской области поисковое движение России проводит совместную работу с региональным отделением российского военно- исторического общества и связано в первую очередь с патриотическим воспитанием молодежи и участием в акциях, как например, «Судьба солдата» – проект под эгидой министерства обороны Российской Федерации, призванный помочь в розыске и установлении фронтовой судьбы военнослужащих, погибших, пропавших без вести, умерших от ран или в фашистском плену в годы Великой Отечественной войны. В ряде случаев удается найти информацию о воинах, вернувшихся с фронта живыми – наградные листы, боевой путь и другую информацию. Международный проект военно-исторических поисковых лагерей – «Фронт» стал ежегодным, нормативная база стала более обширной. «Судьба солдата» — это проект под эгидой министерства обороны Российской Федерации, призванный помочь в розыске и установлении фронтовой судьбы военнослужащих, погибших, пропавших без вести, умерших от ран или в фашистском плену в годы Великой Отечественной войны. В каждом из проведенных международных военно-исторических лагерей принимали участие поисковые отряды из Ульяновской области, также поисковые экспедиции всероссийского уровня проводятся ежегодно во всех боевых регионах Российской Федерации, в которых принимают участие поисковые отряды Ульяновской области.

Ключевые слова: поисковики, военно-исторические поисковые лагеря, память, войны

Для цитирования: Мокшина Е.Н., Александров С.Г. Роль в патриотическом воспитании современной молодежи Ульяновского регионального отделения Общероссийского движения по увековечению памяти погибших при защите отечества // Вестник исторических наук. 2023. Том 1. № 4. С. 33 – 38.

Поступила в редакцию: 5 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования 8 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

¹ Mokshina E.N., ¹ Alexandrov S.G.,

¹ National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

The role in the patriotic education of modern youth of the Ulyanovsk regional branch of the All-Russian movement to perpetuate the memory of those who died defending the fatherland

Abstract: the article reveals the main directions of activity of the Ulyanovsk regional branch of the All-Russian social movement to perpetuate the memory of those who died while defending the Fatherland at the present time. “Search Movement of Russia” was created in April 2013 and is one of the largest organizations engaged in field and archival search work. April 14, 2024 is the 10th anniversary of the search movement of the Russian Federation. It should be noted that in the Ulyanovsk region, the Russian search movement carries out joint work with the regional branch of the Russian military historical society and is primarily associated with the patriotic education of youth and participation in events, such as “The Fate of a Soldier” – a project under the auspices of the Ministry of Defense of the Russian Federation, designed to help in the search and establishment of the front-line fate of military personnel who were killed, missing, died from wounds or in fascist captivity during the Great Patriotic War. In some cases, it is possible to find information about soldiers who returned from the front alive – award certificates, combat path and other information. The international project of military-historical search camps – “Front” – has become an annual project, and the regulatory framework has become more extensive. “The Fate of a Soldier” is a project under the auspices of the Ministry of Defense of the Russian Federation, designed to help in the search and establishment of the front-line fate of military personnel who were killed, missing, died from wounds or in fascist captivity during the Great Patriotic War. Search teams from the Ulyanovsk region took part in each of the international military-historical camps held, and search expeditions of the all-Russian level are held annually in all combat regions of the Russian Federation, in which search teams from the Ulyanovsk region take part.

Keywords: search engines, military-historical search camps, memory, warriors

For citation: Mokshina E.N., Alexandrov S.G. The role in the patriotic education of modern youth of the Ulyanovsk regional branch of the All-Russian movement to perpetuate the memory of those who died defending the fatherland. Bulletin of Historical Sciences. 2023. 1 (4). P. 33 – 38.

The article was submitted: September 5, 2023; Approved after reviewing: November 8, 2023; Accepted for publication: December 15, 2023.

Введение

В настоящее время в состав Ульяновского регионального отделения Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» входят девять поисковых отрядов и объединений общей численностью более 300 военных археологов. В Ульяновске созданы три поисковых отряда: «Авангард», «Крутояр», «Рысь». Данное движение начало свою активную деятельность с 2014 года, когда государство стало оказывать существенную поддержку поисковому движению России. Начинают осуществляться проекты типа Фронт. Проекты типа Фронт – это уникальные проекты, представляющие собой международные вахты памяти на территориях боевых регионов [1].

Материалы и методы исследований

Для написания статьи на указанную тему были использованы следующие материалы и методы исследования:

1. Сравнительный анализ исторической образовательной политики СССР с аналогичными политиками других стран и периодов истории, чтобы выявить особенности и отличия.
2. Использование статистических данных и анализа информации, чтобы оценить эффективность государственной политики.
3. Определение ключевых понятий и терминов, связанных с темой исследования, и их толкование с учетом контекста времени и обстоятельств.

Результаты и обсуждения

Первым из проектов стала международная вахта памяти Западный фронт. В нём приняло участие более 500 участников из разных регионов России, стран СНГ и Прибалтики. В ходе проведенной работы были обнаружены останки 106 бойцов и командиров РРКА. Вахта проходила на территории Барятинского района Калужской области в период с 10 по 20 августа, возраст поисковиков был от 16-25 лет. В ходе экспедиции было найдено 239 человеческих останков – воинов и 37 медальонов, а также именные вещи, по которым специалисты смогли идентифицировать 9 именных вещей [2]. Международный проект военно-исторических поисковых лагерей – Фронт стал ежегодным. В каждом из проведенных международных военно-исторических лагерей принимали участие поисковые отряды из Ульяновской области. Также поисковые экспедиции всероссийского уровня проводятся ежегодно во всех боевых регионах Российской Федерации, в которых принимают участие поисковые отряды Ульяновской области [1].

В Ульяновской области поисковое движение набрало сильные обороты после очередного заседания Ульяновского регионального отделения Поискового Движения России в феврале 2016 года. На пост председателя регионального отделения поискового движения России был избран Зуев Сергей Анатольевич. Наладились взаимодействия между поисковыми отрядами, работать стали сообща [3]. Следует отметить,

что до 2015 года Ульяновская область по рейтингам в поисковом деле сильно уступала остальным регионам страны и рейтингу в Приволжском Федеральном Округе. Образовались и начали свою работу новые поисковые отряды как Ульяновский Крутояр, Патриот, Рубеж УГСХА, Святогор. На всероссийских слетах по ПФО делегация из Ульяновской области начала постепенно подниматься из последних мест в пятерку лучших отделений. Наладилась работа с военно- историческими клубами и Ульяновским отделением Российского военно-исторического общества [4].

В ходе поисковой экспедиции 2016 года на территории Волгоградской области были обнаружены останки военнослужащего РРКА Евстигнеева Николая Ивановича военными археологами из поискового отряда Красноармеец Волгоградского отделения ПДР, его останки удалось идентифицировать по сохранившемуся смертному медальону. Выяснилось, что Евстигнеев Николай Иванович родом из Мелекесского района Ульяновской области, села Малоселки, поисковики из Волгоградского объединения связались с поисковиками из Ульяновского объединения и передали им останки павшего бойца [5]. Силами участников Ульяновского регионального отделения общероссийского общественного движения Поисковое движение России и сотрудников ЗАГС Мелекесского района были установлены родственники павшего воина, а именно его внуки и внучки, проживающие в Мелекесском районе и городе Димитровграде. Они единогласно и однозначно решили похоронить останки их найденного деда на родной земле, рядом с могилой его жены (их бабушки) в поселке Новоселки Мелекесского района. Процедура передачи при большом стечении народа состоялась на территории мемориального комплекса Мамаев курган, а уже на следующий день к останкам воина-земляка в Храме Архангела Михаила смогли прикоснуться и почтить его память все жители поселка Новоселки. Солдат Евстигнеев Николай Иванович, после стольких лет неизвестности, вернулся домой [6].

13 ноября в поселке Новосёлки Мелекесского района, Ульяновской области прошла торжественно-траурная церемония прощания и предания земле, со всеми полагающимися почестями. В церкви Архангела Михаила, где находился гроб с останками бойца Евстигнеева Н.И., настоятель храма отец Андрей провел молебен по убиенному войну и под звон церковных колоколов гроб на руках солдат и поисковиков занял свое место в траурном шествии по направлению к старому кладбищу Новоселок.

Процессия остановилась у ворот кладбища, где был проведен траурный митинг или как сейчас принято говорить гражданская панихида. На митинге слово было предоставлено Главе Мелекесского района Мухудинову Ильясу Някетдиновичу, Председателю Совета Ульяновского регионального отделения общероссийского общественного движения Поисковое движение России Зуеву Сергею Анатольевичу и правнучке красноармейца - Анне. По поручению волгоградских коллег-поисковиков родственникам Евстигнеева были переданы найденные при нем личные вещи, в числе которых и был тот заветный солдатский медальон, который помог установить имя бойца и вернуть его на малую Родину. Предали земле останки солдата под троекратный ружейный салют, для всех присутствующих ставший счастливой точкой в долгой истории возвращения Николая Ивановича домой с фронта.... 21 августа 2014 года. На родину вернулся еще один наш земляк, ранее считавшийся пропавшим без вести. Это Михаил Панов, который погиб в 1942 году во время боев на территории Тверской области [7].

Ульяновское региональное отделение участвует в важных исторических событиях и развития исторической науки. Постепенно становятся известны редкие имена героев ранее считавшимися пропавшими во время войны. Работа продолжается и с каждым годом методы поисковой работы совершенствуются [8].

Всего: за 10 лет, работы поисковых отрядов Российской Федерации было захоронено 20840, эксгумировано 20889, медальонов прочитано 242, установлено имен 1 039 [1].

Выводы

Следует отметить, что руководство Ульяновской области и все неравнодушные граждане поддерживают и оказывают помощь поисковым отрядам во имя будущего поколения нашей России. Участники поисковых отрядов в настоящее время занимаются кропотливой и сложной работой: отправляются в экспедицию по материалам архивных документов, находят останки воинов, устанавливают личности погибших и разыскивают их родственников – всё это, по сути, делается на одном энтузиазме.

Список источников

1. Всероссийский информационный поисковый центр URL <https://v-ipc.ru/stats/act> (дата обращения: 15.04.2023)
2. Ответ редакции, еженедельник Аргументы и Факты [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_znachit_Vakhta_pamiati (дата обращения: 08.04.2023)
3. РВИО. Поисковая работа [Электронный ресурс]. URL <http://rvio.histrf.ru/activities/poiskjob> (дата обращения: 08.04.2023)
4. Канал Россия 24 Герои Синявинских Высот URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DckvdAGuSVo> (дата обращения: 24.04.2023)
5. Вахта памяти Волховский фронт на Синявинских Высотах. URL: <http://smolbattle.ru/threads/Вахта-памяти-Волховский-фронт-на-Синявинских-высотах-2015.40316/>
6. Полевой материал Токарев Захар Сергеевич. Ульяновск, 19.03.17.
7. Волгоград ТРВ [электронный ресурс] URL: <http://www.volgograd-trv.ru/news.aspx?id=37662> (дата обращения: 06.04.2023)
8. Петров И. Первый городской портал Ульяновские Новости [Электронный ресурс]. URL: http://1ul.ru/city_online/news/v_ulyanovsk_ (дата обращения: 11.04.2023)

References

1. All-Russian Information Search Center URL <https://v-ipc.ru/stats/act> (date of access: 15.04.2023)
2. Editorial response, weekly Arguments and Facts [Electronic resource]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/chto_znachit_Vakhta_pamiati (date of access: 08.04.2023)
3. RVIO. Search work [Electronic resource]. URL <http://rvio.histrf.ru/activities/poiskjob> (date of access: 08.04.2023)

4. Channel Russia 24 Heroes of Sinyavinsky Heights URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DckvdAGuSVo>
(date of access: 24.04.2023)

5. Watch of Memory Volkhov Front on Sinyavinsky Heights. URL: <http://smolbattle.ru/threads/Baxra – пamyati-Volkhovskiy-front-na-Sinyavinskikh-vysotakh-2015.40316/>

6. Field material Tokarev Zakhar Sergeevich. Ulyanovsk, 19.03.17.

7. Volgograd TRV [electronic resource] URL: <http://www.volgograd-trv.ru/news.aspx?id=37662> (date of access: 06.04.2023)

8. Petrov I. The first city portal Ulyanovsk News [Electronic resource]. URL: http://1ul.ru/city_online/news/v_ulyanovsk_ (date of access: 11.04.2023)

Информация об авторах

Мокшина Е.Н., доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Александров С.Г., соискатель, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

© Мокшина Е.Н., Александров С.Г., 2024